

ТОК-ШОУ

— Послушайте меня! — взмахнул рукой оратор,
Но перебил другой: — Послушайте меня!
И встрепенулся зал, и закипел театр.

— Меня! —

молила ночь, склонившись у огня.

— Я всё вам расскажу! —

гудел охрипший ветер.

— Послушайте! —

шипел, посвистывая, снег.

— Меня!

Меня!

Меня! —

Кричали все на свете,

И голосили все

под слёзы и под смех.

Чего хотелось им?

Сочувствия? Вниманья?

Отдать свою печаль,

и радость, и покой?

И всё слилось в одно смятенное дыханье,

Выскочил и над просёлком взмытым
Посакал, смяная мрак и тень.
Бьёт по окнам бронзовым копытом:
— Эй, вставайте, люди! Новый день!
Не о том ли Бога вы просили?
Вот Господь и даровал — иди! —

Бьют колокола по всей России
Жарко, словно солнышко в груди.

— Пить-попить! — попросит перепёлка.
Но по лугу сочному скользя,
Режет травы знающе и тонко
Смертью заострённая коса.

Помню, помню: ходим все под Богом,
Все пришли сюда на краткий срок,
Чтобы в мире нежном и жестоком
Развязать узлы своих дорог.

* * *

Я колю дрова — не поддаются.
Жила к жиле — скрученная прядь.
Вот присяду малость раздохнуться,
Годовые кольца посчитать.

Круг — потоньше, а другой — потолще,
А в ином — дожди и холода.
Это значит, у деревьев тоже
Разные сбываются года.

На ветру просушатся поленья,
Наберут последний солнца свет.
Вот и я стал крайним поколеньем:
Ни отца, ни мамы больше нет.

С думами о всех моих утратах
Брошу в печь полено, вздёрну бровь.
Ярко полетит огонь крылатый,
Запоёт про первую любовь.

И ему невольно подпевая,
Загрущу о юности всерьёз.
Изумрудным, захолустным маем
Бьются в небо родники берёз.

И гудят поленья, тянут выи.
Огонёк играет гребешком.
Догорают кольца годовые
Петушиным трепетным пушком.

Гляну в угол. Строгие иконы
Безотрывно смотрят на меня.
И поёт огонь, гудит и стонет,
Как гудит и стонет кровь моя.

ПО РЕКЕ

Мимо правого, левого берега, сёл крутоярных,
Мимо тропок, сбегаящих к серым мосткам у осок,
По кочующим волнам, поющим в осоках туманных,
Я плыву и плыву, как обрonnenный ветром листок.

Эти воды не раз над землёй поднимались парами
От жемчужных озёр, от рубах мужиков на полях,
От солдатских дорог, от горячей слезы моей мамы,
Но очистились небом — и крыши мокры на домах.

И очищены небом под окнами вишни и груши.
И плыву я, плыву, и роятся на сердце стихи.
Кабы так вот дождями и наши очистились души!
Кабы так вот очистились боли и наши грехи!

У тебя под окном муравей на травинке хлопочет.
У меня под окном развесёлая птаха поёт.
Что он хочет от нас, этот мир золотой, что он хочет?
Я плыву по реке, и река подо мною плывёт.

И случайный листок проплывает то слева, то справа.
По загровку волны заревой растекается мёд.
Кто-то смотрит в прицел, выжидая гордыню и славу,
Кто-то завистью выжжен, а кто-то у брата крадёт.

В неустанной вражде берега затаились и воды.
Что же я, проплывая рекой, не пойму одного:
Ничего этот мир не желает, а только свободы,
И ещё — чтобы мы уважали за правду его.

И кукушка у дальнего бора о чём-то пророчит.
Огурцы под студёным туманом поникли плетьюми.
Ничего-то от нас этот мир и не ждёт, и не хочет,
Разве только, чтоб мы оглянулись и стали людьми.